

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

ОДНОКАШНИКИ РУССКИХ РАВНИН

* * *

Авианосец СССР
Пропал в неведомых глубинах.
Он миру дан был, как пример,
Примером был, а мир покинул.

Сейчас лежит на дне морском,
Как Атлантида или Китеж...
А я всё думаю о нём,
И не могу забыть, как видишь.

Я РУССКИЙ

Ну, хватит скрываться — я русский!
Не турок, не грек, не еврей.
И воин французский и прусский
Страшатся атаки моей.

Я просто окликну: — Брусилов!
Враги залатали Прорыв!

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич — член Союза писателей России, автор многих поэтических книг. Постоянно печатается в нашем журнале. Живёт в Перми

Таится в нас страшная сила,
На сжатие и на разрыв.

Вождей отливали из стали,
Державу души — из огня!
Вождей отливать перестали —
Величие в сердце храня.

Я пахарь страны, я мыслитель!
При этом я добрый вполне.
Конечно, Господь Вседержитель
Всегда на моей стороне.

А также Небесная Дева!
Илья и Георгий с копьём.
Не верю я в басни халдея —
Мы всех проходимцев порвём!

Россия для русского будет
Окопом, избою, селом.
Потомок меня не осудит,
Цитируя деда потом.

КИТАЙСКАЯ СЕНА

Русский с китайцем братья навек
Из песни.

Я стоял у Китайской стены
И смотрел, как закат наступает.
Проболтали Москву пацаны.
Нашу речь здесь уже понимают.

Через площадь иду Тяньаньмынь,
Змей воздушный по небу летает.
Здесь прохладно, а в небе теплынь,
Восходящим потоком шатает.

Я не верю, что — “братья навек”.
И не факт то, что белая кожа.
Мимо желтый идёт человек —
В нём Даманский торчит, как заноза.

ИЕРУСАЛИМ

Бессмертный ленинский акцент.
С. Куняев.

Отдайте “пятую графу”
Тем, у кого её забрали.
Чтоб каждый знал в своём краю,
Кого им черти навязали.

— Гори, гори, моя звезда...
Пою пред небом вечерами.
В земной Иерусалим езда
Всегда венчается стихами.

“Бессмертный ленинский акцент”
Над “пятою графой” рыдает...
Куняев прав! Ты слышишь, мент? —
Я выпил литр, а не шатает.

ИОСИФ СТАЛИН

Смотри, порхают две голубки.
Москва. На месте мавзолеей.
Гранитный бюст вождя без трубки —
Дороже римских алтарей.

“Он не взвился небесным телом,
Не испарился, не истлел...”
Так Пастернак писал умело,
Когда был он чертовски смел!

Молчите, Самарканд и Мурманск,
Санкт-Петербург и Ленинград!
Два монстра — либерал и тупость,
Отчизну превратили в ад.

И что ему друзей лояльность
И ненависть его врагов?
Есть Сталинград — победы ярость!
И Севастополь моряков!

Он — смертью смерть поправший Сталин,
А не Хрущёв или Помпей.
Он из гранита, не из стали,
Осколок родины моей.

Он Кремль подпёр хребтом Кавказа,
Сжал бури и шторма в горсти!
Он был Москвой миропомазан,
Чтоб Царство Русское спасти.

КОЛЧАК

Колчак встал на ангарский лёд.
Географ, он привык вперёд
Лететь, поднявши паруса...
А здесь над ним свистит коса!

Всё ближе, ближе свет небес.
И всё слышнее стук сердец
Родных... Уж в отдаленье взвод
Команды пулям отдаёт!

Они летят путём пчелы,
Не разбиваясь о стволы.
Проездом встал на этот лёд.
Стою, и оторопь берёт.

И кто б мне что ни рассказал,
И что бы впредь я ни узнал —

Останется со мной всегда
“Гори, гори, моя, звезда”.

* * *

Николаю Гумилёву

Николай Степанович, поэты
Вспомнят ваших жен под шашлычок.
Вас Россия помнит не за это,
А за то, что слово — это Бог!

Захлебнулись воинские трубы,
В Африке изысканный жираф
В небеса вытягивает губы
Чтоб отведать в небе райских трав.

Ты же мог, но Родину не бросил.
Мог сбежать, как все, но не сбежал...
Вынес, как шпицрутены, допросы
И, сложив стихи, под пулю встал.

Ну а пуля не такая дура,
Выбрала по сердцу молодца.
Вылетев с жужжанием из дула,
Поманила смертью храбреца.

Ты не смог от смерти отказаться.
Тормоза трамвайные свело:
— Станция какая? — Божье Царство!
А он думал — Царское Село.

ПОЛИКАРПЫЧУ

*Он во сне перешел свой предел.
Ю. Кузнецов*

Вот и ты перешёл свой предел,
В сонном царстве душа полыхала.
В это верить никто не хотел,
Что тебя, Поликарпыч, не стало.

Ни в стране, ни на этой тропе...
Потому что глагольные скрепы
Будут долго греметь о тебе
Даже тем, кто и нем, и слепы.

Не запомню ухмылки врагов,
Не замечу их жалкую радость.
Потому что Держава стихов
Не простит им и малую малость.

Поликарпыч, ты там не один? —
Передреев, Рубцов и иные...
Однокашники русских равнин,
Словно раны в груди ножевые.

Ты теперь в небесах высоко...
Гнобят Русь, но она не распалась!
Только знай, что и нам нелегко,
Мало русских поэтов осталось.

МАМА

Классически с крыльца
Сбежишь ко мне навстречу,
От радости в слезах
И уронив платок.
Ах, мама, мама, ма-а-а...
Чем на любовь отвечу?
Ты видишь, я, твой сын,
До косточек продрог.

Такой она была,
Как в памяти осталась.
Смягчала боль мою,
И беды, и судьбу.
Бессмертная любовь
В её глазах плескалась.
Как море-океан,
Где в лодке я гребу.

СЛУЖАНКА

Волхвы посошком выбирают дорогу.
Мария поёт колыбельную Богу.
Вокруг догорают пастушьи костры.
На улице снег превращается в знамя.
Без древка его на сугроб взгромождая,
Пронесются ветры, как осы, быстры.

Сидит у порога служанка враскачку,
Тепло, у коров не кончается жвачка.
А значит, всё сходит помощнице с рук.
И лень, и хандра, и тоска по мужскому
Плечу, и плохая уборка по дому...
Святое семейство не может без слуг.

Служанка впервые глядит на Младенца.
Не знало любви её глупое сердце.
Не знало, а нынче приходит пора.
Безгрешна она под вселенскою ношей.
Глядит на ребёнка, а это Сын Божий!
Он скоро уйдёт навсегда со двора.

А нищие духом, как дети, наивны,
Сердца их простые, а души их дивны.
Они поддаются святой красоте.
Младенец не сгинет в Чечне и Афгане,
Он будет за правду в голгофском тумане,
За бедных и сирых — распят на Кресте.

* * *

На душе бывает мутно,
Чтоб не лезли бесы в дом,
“Отче наш” читаю утром
И читаю перед сном.

За жену и за детишек
У икон один стою...
Слава Богу, что не слышат —
Я в семье, словно в раю.